

КАК БЫТЬ ЛЮБИМЫМ

МАРЕНИЧА любят. Даже те, кто скептически относится к оперетте и редко бывает в этом театре, его давным-давно «признали». Можно долго и подробно перечислять достоинства замечательного артиста. И можно дать очень короткий и в то же время точный ответ: его любят за то, что он Маренич. Конечно же, нам более всего дорога в художнике его индивидуальность, его неповторимость, свой, не похожий ни на кого другого, творческий облик.

Анатолию Григорьевичу Мареничу исполнилось шестьдесят лет. И сорок лет творческой деятельности. За эти годы им сыграно сто ролей, из них семьдесят в опереттах советских авторов. Цифры эти для многих уже не новы, они знакомы по статьям и телевизионным передачам. Но как много скрыто за ними — огромный каждодневный труд актера, непрестанные поиски, горькие разочарования, радость подлинных открытий, словом, вся жизнь.

ЖИЗНЬ артиста... Разве это одна только его жизнь? Нет, это жизни, прожитые им на сцене, образы, его талантом рожденные. Вспоминая сыгранные им роли, думаешь: а что же дал нам Маренич? Только ли удовольствие, хорошее настроение, веселое возбуждение на спектаклях, так называемые сиюминутные чувства и переживания, от которых потом не останется и следа. Или нечто большее? Конечно же, как подлинный художник театра он щедро делился с нами многим, помогал бороться со всем обветшалым, тусклым, чуждым. Маренич вместе с тем и учил нас видеть хорошее, красивое, доброе в людях, и чудесные эти люди, наши современники, всегда были близки, понятны и дороги актеру.

До сих пор помнится мне его старшина Бурмак из «Беспокойного счастья». Пожалуй, он и был самым беспокойным в спектакле,

этот шумливый парень в лихо заломленной кубанке, вчерашний танкист, а ныне шофер на далекой сибирской стройке. В Бурмаке — Марениче наглядно проявились приметы времени, то, что в те послевоенные дни отличало многих людей его поколения.

А сыгранный спустя много лет, ничем внешне на Бурмака не похожий, но тем не менее внутренне связанный с ним краснофлотец Рахмет Алиев из «Севастопольского вальса» — один из лучших положительных образов Маренича. Здесь есть национальный колорит, интересный грим, акцент, но все это подчинено главному — раскрытию человеческой сущности Рахмета, его душевной щедрости, верности фронтовому товариществу. Если Бурмак был молод и звонок, то Рахмет умудрен жизнью, тут совсем иной ритмический рисунок образа — какая-то мягкость, певучесть, восточная плавность.

Много положительных образов создал А. Маренич, но большую часть своих творческих сил отдал он сатирическому обличению. В сатирических созданиях Маренича прежде всего отмечаешь социальную точность характеристик и невольно изумляешься силе его творческой интуиции. Маренич умеет найти зерно образа, выявить главное, то, что важно сегодня, что делает характер неповторимым, остро современным.

Взять хотя бы одну из главных тем, проходящих через все творчество Маренича, — обличение лакейства как явления социального, тему потери человеческого в человеке, падения его в мире капитала. Фигура эпизодическая — Аполлинарий в спектакле «Огоньки». Аполлинарий стоит на нижней ступеньке общественной лестницы, он лакей в окраинной чайной «Эльдорадо». Сюда приходят рабочие, они не хотят больше терпеть гнет богатей, гордо расправляют они свои натруженные плечи. А он, гнувший спину всю жизнь, так и остался с согнутой спиной, раздавленный этой страшной машиной, покорный и ничтожный.

Граф Лососиноостровский из оперетты «Цирк зажигает огни» у себя на матушке-родине не снисходил до заведения «Эльдорадо» и не позволил бы такому Аполлинарию себя обслуживать. Но все это в далеком прошлом, а сейчас граф в услужении у американского бизнесмена Скотта на должности секретаря и... собаки одновременно. Все рухнуло... И актер показывает нам в трагикомическом свете судьбу человека без родины, титулованного лакея, ползающего перед сильными на коленях, бывшего господина с душой раба.

Купчина Терентий Кузькин в «Анютиных глазах» — еще одна грань того же явления, еще одна сатирически масштабная фигура прошлого. Владелец похоронной конторы, член городской думы,

он рвется вверх, к большим деньгам, мечтает о новой фирме. Кузькину кажется, что жизнь работает на него, что так и будет — отныне и во век. И вдруг — бац, революция! И он, который «всю жизнь хоронил буржуазию», сам присутствует на собственных похоронах, торгует на толкучке ирисками с лотка. И как всегда у Маренича мы видим не одного Кузькина, а многих ему подобных, видим историю целого социального слоя.

Итак, три лакея старого мира, стоящие на разных социальных ступенях. Ну как не вспомнить слова С. Маршак: «Лакей господским был слугой, а камергер — вельможей, но тот, ребята, и другой почти одно и то же»... Явление одно, а актерское воплощение разное, несхожие индивидуальности, каждый раз иные краски, иная пластика, манера речи. Шаркающий, глуховатый, с дребезжаще-тусклым голосом, с глазами, покрытыми какой-то белой пеленой, с грязным полотенцем, перекинутым через руку, — таков Аполлинарий. А Лососиноостровский — в цилиндре, с тростью, он сохранил еще светские манеры, он даже грассирует, движется непринужденно. Но что это? И у него знакомый «услужайущий» жест, только вместо полотенца в руке цилиндр, угодливо подставленный под пепел от сигары Скотта. Граф у Маренича заискивающе вытягивает шею и время от времени как-то отряхивается, словно на него, не глядя, через спину, вылили остатки из бокала. Смотрим на Кузькина — Маренича и видим, что купчина сыт по горло, осоловел от поминальных возлияний, а вот Лососиноостровский голоден, он точно поминутно глотает слюну... Смешны, отвратны они, и искусство актера проявляется в том, что не плоские карикатуры, а люди живые перед нами, и, презирая, мы знаем, с кем имеем дело.

НЕДАВНО утром по длинному коридору телестудии шел некто в черном костюме, в белой щеголеватой толстой кепке, крепко прижимая к боку объемистый коричневый портфель. Пронзительной внешности, с горбатым хищным носом, близко посаженными цепкими глазами под кустистыми черными бровями, южный этот гражданин следовал молча, сохраняя мрачное выражение физиономии. Но все встречные, завидев его, улыбались, оборачивались, смеялись. Они узнавали Маренича, идущего на съемку, они узнавали сейчас Коку, этого типа из оперетты «Жили три студента», этого спекулянта лавровым листом, тунейд-



ца со своей философией «хорошей жизни».

Об искусстве А. Маренича можно говорить много. Об его остром чувстве современности, непрерывности жизни в образе, даре импровизации, музыкальности, врожденном изяществе, о многом другом. Но я скажу о том, как трудно быть любимым. Очень трудно прожить почти всю творческую жизнь в одном городе. К тебе привыкают, ты всем давно знаком. Иногда постоянный успех убавкивает, потихоньку подкрадывается мысль, будто ты во всем прав, что ни делаешь — это всегда хорошо, а ты уж даже и непогрешим. Мне кажется, большой актерской доблестью Маренича является то, что он сохранил отличную творческую форму, свежесть восприятия жизни и молодость выражения чувств, что он, такой знакомый, всякий раз предстает новым!

Вот тут бы и написать традиционную фразу, будто совсем и незаметно, что Мареничу уже шестьдесят лет. Но нет, напишем честно — заметно. Заметно, потому что мы, свердловчане, вместе с актером уже тридцать два года. Сыграно сто ролей, а на это время ушло немалое. А сколько дано концертов А. Мареничем и П. Емельяновой — этого и новейшая электронно-счетная машина не сосчитает! Заметно, что Мареничу шестьдесят и потому, что такой он мастер и все делает так, что это... совсем незаметно.

Сам великий Станиславский, говоря об оперетте, прибежал к сравнению ее с кипучим шампанским. Да простят нас ревнители строгой морали, если мы, завершая юбилейную статью, поднимем воображаемый бокал этого выдержанного, благородного и всегда молодого вина за здоровье большого артиста.

Б. КОГАН.

* * *

На снимке: народный артист РСФСР А. Г. МАРЕНИЧ.
Фото В. Засыпкина.